Комментарий
21 января 2021

Власть и многовекторность.

Евгений Прейгерман

Резюме

Если внешнеполитическую риторику Минска за последний год сжать в один короткий ролик, то можно увидеть поразительные метаморфозы – особенно в августе. В первых его числах, за неделю до президентских выборов, белорусские власти заявляли, что российские боевики готовятся дестабилизировать страну. А всего через несколько дней обвинения сыпались уже в сторону Запада – в попытке организовать цветную революцию, а Москву, наоборот, благодарили за поддержку.

Содержание

1 Авторитарная внешняя политика
2 Большая сделка и многовекторность
3 Что дальше?

Опубликовано Московским Центром Карнеги

При всей причудливости подобный разворот уже случался в белорусской истории – после выборов 2010 года. Тогда избирательная кампания шла на фоне настоящей информационной войны с Россией: НТВ крутил «Крестного Батьку», а Медведев говорил, что с Лукашенко Москве больше не по пути. В Минске тем временем принимали топовых дипломатов из Евросоюза и вели с ними диалог о нормализации. Но все изменилось после того, как белорусские власти жестко разогнали оппозиционный митинг в ночь после выборов. Запад ввел санкции, а противоречия с Москвой, наоборот, развеялись, и Минск стал активным участником евразийской интеграции.

То есть внешнеполитические метаморфозы августа 2020 года для белорусской истории не уникальны и не случайны. Что помогает понять их причины и дальнейшее развитие.

Авторитарная внешняя политика

> Надломы в белорусской внешней политике происходят по итогам президентских выборов, поэтому несложно догадаться, что связаны они со стремлением Лукашенко сохранить власть.

Три десятилетия назад ученый-международник Стивен Дэвид предложил теорию омнибалансирования (omnibalancing), которая объясняет внешнюю политику стран третьего мира во времена Холодной войны. По Дэвиду, лидеры таких стран выбирали, к какому лагерю примкнуть, исходя из того, кто больше поможет им остаться у власти.

Конечно, это сравнение условно, но теория Дэвида просто и понятно описывает внешнеполитическую логику авторитарного правителя, стремящегося сохранить власть. И эту логику во всевозможных проявлениях мы не раз видели у Лукашенко.

Однако эта теория все равно не объясняет всех извивов белорусской внешней политики. Понятно, что как только угроза для его власти растет, Лукашенко без особых сомнений рвет отношения с Западом и бросается в объятия России. Происходит это потому, что Запад преумножает угрозы – не признает итоги выборов, поддерживает оппозицию и вводит санкции. А Россия, наоборот, помогает власть сохранить. Хотя и выдвигает при этом разные условия.

Но почему тогда через некоторое время Лукашенко опять пытается возобновить диалог с Западом? Не логичнее было бы оставаться в объятиях Москвы и не раздражать ее разговорами о многовекторности? Получается, что не логичнее.

> По мере того как опасность потерять власть снижается, у авторитарного лидера меняется внешнеполитическая логика. Она смещается в сторону того, что принято называть национальными интересами.

Собственная власть перестает быть главным критерием во внешней политике, и на первый план выходят объективные потребности страны в расширении возможностей и минимизации рисков на международной арене. То есть исчезает противоречие между личным интересом авторитарного правителя и национальными интересами государства.

Белорусская география и история достаточно ясно подсказывают способ обеспечить национальные интересы – это внешнеэкономическая и внешнеполитическая диверсификация, о чем до недавнего времени так много говорил Лукашенко. Особенно с учетом того, как сильно изменилась в последние годы система международных отношений.

Большая сделка и многовекторность

В белорусском случае главным из этих изменений стали последствия украинского кризиса 2014 года – и экономические, и военно-политические.

Экономический эффект дал о себе знать почти сразу. Зависимость от российского рынка означает, что любой кризис в экономике России автоматически становится кризисом для белорусской экономики. Именно так и произошло в 2014–2016 годах на фоне начавшегося геополитического противостояния Москвы с Западом. Белорусская экономика тогда падала глубже и дольше российской.

Эксперты до сих пор спорят, в какой мере экономический спад в России был вызван санкциями, а в какой – падением цен на нефть. Но для белорусского руководства это имело вторичное значение. В любом случае они увидели на практике, как тотальная экономическая зависимость от одного государства может превратить любой геополитический шок в осязаемые потери в экономике.

К тому же в ответ на западные санкции Россия взяла курс на импортозамещение, в том числе в тех отраслях, где белорусские компании занимали хорошие позиции. Стало понятно, что эта политика пришла всерьез и надолго. Именно поэтому Национальная программа поддержки и развития белорусского экспорта на 2016–2020 годы объявила главной целью внешнеэкономическую диверсификацию. Появилась формула «30–30–30», требующая более-менее равно распределять экспорт между ЕАЭС, ЕС и остальным миром. Сам Лукашенко называл ее формулой национальной безопасности и суверенитета.

Понятно, что внешнеэкономическая диверсификация была невозможна без диверсификации внешнеполитической. Речь шла не о коренном пересмотре приоритетов, а лишь о нормализации и углублении отношений с ЕС и США для потребностей белорусской экономики. То есть о той самой многовекторности, которая вызывает у многих в России отторжение.

Еще большее раздражение вызвали у Москвы шаги белорусских властей в военно-политической сфере – неоднозначная позиция по российско-украинскому конфликту, отказ разместить российскую военную базу. Эти решения также

отражали структурные изменения, которые произошли после 2014 года, и создали для Беларуси принципиально новую геополитическую реальность. Впервые после прихода Лукашенко к власти отношения с Западом у Москвы стали хуже, чем у Минска. Не столько из-за успехов Минска, сколько из-за того, что украинские события вернули в международную повестку дня жесткое противостояние между Москвой и западным миром.

В результате страна оказалась на геополитическом разломе, что сильно усложнило для белорусов выполнение условной большой сделки, на которой с середины 1990-х строились белорусско-российские отношения и в целом вся белорусская внешняя политика. Сделка сводилась к тому, что Минск менял геополитическую лояльность Москве на экономические преференции вроде скидок в цене на газ и нефть и льготного доступа на российский рынок.

> После украинского кризиса Минск начал опасаться, что молчаливое следование во внешнеполитическом фарватере России не снизит, а, наоборот, повысит для него риски в области безопасности. Просто из-за географии: если между НАТО и Россией случится кинетическое столкновение, то оно с большой вероятностью затронет белорусскую территорию.

Да и в целом страна превращалась бы в постоянную зону напряженности с неизбежными негативными последствиями и для экономики, и для сотрудничества с соседями.

При этом Минск не имел бы почти никаких возможностей влиять на общую ситуацию, которая полностью зависела бы от действий Москвы. А Москва, как показали те же события в Крыму, не склонна консультироваться с союзниками, принимая судьбоносные решения в области международной безопасности.

Таким образом, после 2014 года Минск оказался перед дилеммой, типичной для небольших стран, расположенных между геополитическими центрами. Либо продолжать безоговорочно следовать за Москвой по всем важным международным вопросам, понимая растущие риски безопасности и надеясь на российский ядерный зонтик и экономическую помощь. Либо проводить многовекторную внешнюю политику, которая добавляет трудностей в отношениях с Россией, но в случае успеха приносит дивиденды и в экономике, и в безопасности. Как и в большинстве похожих стран, белорусское руководство склонялось ко второму варианту.

Что дальше?

Однако августовские выборы опять развели в разные стороны национальные и личные приоритеты Лукашенко. И так продолжаться будет до тех пор, пока белорусский лидер не придет к выводу, что угроза его власти миновала.

Когда именно это произойдет и произойдет ли вообще, спрогнозировать сложно. Белорусский протест беспрецедентно масштабен и децентрализован. Так что даже если власти собьют его активные проявления, политический кризис может еще долго продолжаться в других формах.

Все это время в кризисе будет и западный вектор белорусской внешней политики, потому что Лукашенко будет видеть на этом направлении только риски и угрозы, а не возможности. В отношениях с Россией, наоборот, будет верно обратное. Правда, при условии, что подходы самих России и Запада не изменятся: Москва будет поддерживать Лукашенко, а Запад – отказываться от контактов с белорусской властью и требовать провести новые выборы.

> Но как бы и когда бы ни закончился белорусский кризис, возврат к многовекторной внешней политике неизбежен.

Если после конституционной реформы править политическим балом в стране будет по-прежнему Лукашенко, то мы увидим в его исполнении уже знакомую историю. Логика сохранения власти постепенно сменится логикой национального интереса, которая требует нормализации отношений с Западом.

Если же политическая эпоха Лукашенко завершится, то новые белорусские лидеры тем более будут диверсифицировать внешние связи. У них, по крайней мере в первое время, не будет груза авторитарного прошлого, а потому многовекторность в их внешней политике случится по определению.

Евгений Прейгерман
директор Совета по международным отношениям «Минский диалог»